

18+

Лана Резная

Его испанская **ПРОБЛЕМА**

Лана Нежная

Его испанская проблема

«Издательские решения»

Нежная Л.

Его испанская проблема / Л. Нежная — «Издательские решения»,

Испанские страсти по-русски. Она сбежала в Барселону от отца и «перспективных женихов». Он прилетел решить проблему с сыном. Их свёл скандал в баре: она заступилась за официантку и разбила нос его сыну. А связала турбулентность на высоте десяти тысяч метров. Ей тридцать два, ему сорок пять. Между ними — тысячи километров, гордость и страх. Но её завораживают его руки, а он не может отпустить ту, что сказала ему «нет». Что победит — расстояние или чувства? Книга содержит нецензурную брань.

© Нежная Л.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Лиза	6
Глава 2. Алексей	11
Глава 3. Лиза	15
Глава 4. Алексей	19
Глава 5. Лиза	23
Глава 6. Алексей	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Его испанская проблема

Лана Нежная

Дизайнер обложки Светлана Александровна Шевченко

© Лана Нежная, 2026

© Светлана Александровна Шевченко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-1997-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Лиза

В баре пахло глинтвейном с корицей, жареными каштанами и тёплым деревом старых столешниц. За окнами, за плотной шторой из виноградных лоз, Барселона дышала декабрьским вечером — двадцать третье число, преддверие Рождества. Темнело рано: уже после пяти вечера город погрузился в сумерки, разбавленные огнями рождественской иллюминации. На улицах сияли праздничные гирлянды, повсюду висели украшения, пахло ёлкой и имбирным печеньем.

Мы сидели за длинным столом у стены, рядом с обогревателем. На улице было около десяти градусов. Пять девушек, трое парней. Компания, сплочённая ещё в студенческие годы, когда я училась и думала, что жизнь — это бесконечная серия вечеринок и экзаменов. Теперь нам всем за тридцать. У кого-то свадьба на носу, у кого-то развод. У меня — только ноутбук, глоссарии по технической документации и чемодан, который я снова собрала впопыхах, когда отец в третий раз за месяц привёл в дом «перспективного молодого человека».

— Исабель*, ты надолго к нам? — Мануэль отхлебнул пиво, вытирая пену с верхней губы.

— Пока отец не уgomонится. — Я крутила в пальцах ножку бокала с сангрией. — Опять решил, что мне пора замуж. Каждые выходные тащит женихов. То сын партнёра, то сын друга по гольфу, то какой-то «перспективный юрист с хорошей родословной». Утомил уже. А они просто... Ужас.

Ана фыркнула, поправляя серёжку:

— Так и не пойму, почему у вас так рано стремятся пожениться.

— И не надо. Разный менталитет. Мне ближе ваш, — я улыбнулась.

Говорила спокойно, но внутри привычно сжалось что-то тугое. Тридцать два. Цифра, которая в России звучит как приговор, а здесь — просто возраст. Я сбежала. Снова. Работая удалённо: перевожу технические спецификации, руководства по эксплуатации, сертификаты соответствия. Заказчики по всему миру, дедлайны жёсткие, но честные. Поэтому после очередного «смотрa жениха» я просто закрыла ноутбук, закинула самое нужное в чемодан и уехала. Не в Москву, не в Питер. В Барселону. Потому что здесь я чувствовала себя свободной.

Летать я не могла. Панический страх начался ещё в восемнадцать, когда я впервые летела одна на учёбу и самолёт попал в зону турбулентности. Помню, как пот выступил на лбу, как дыхание сжалось в горле, как я вцепилась в подлокотники, пока стюардесса не сунула мне стакан воды и не сказала: «Дышите. Это нормально». После этого я добиралась поездами, автобусами, с пересадками, через границы, с кучей паспортных контролей и бесконечным шуршанием штампов. Долго. Утомительно. Зато контролируемо.

Отец, как обычно, рвал и метал, звонил, ругался, угрожал отозвать доступ к моей банковской карте. Пусть. Мне тридцать два. Я уже не его маленькая девочка. Я давно могу сама себя обеспечить, сама плачу за съёмную квартиру в Грасии**, сама решаю, когда ложиться спать и с кем пить вино. Он — командир по натуре, владелец крупного бизнеса. Старая закалка: привык управлять всем, что движется, и не только. Но и я не промах. Я пошла в него. Две капли воды: упрямые, едкие, не отступающие. Просто он старше, мудрее и любит меня. Перебесится — уступит. Так всегда. Нужно только выдержать давление.

Около одиннадцати дверь бара распахнулась, впуская сквозняк и запах ночной улицы. Вошёл он. Высокий, небритый, в мятой одежде, с тяжёлым, неустойчивым шагом. Сразу было видно: крепко выпил. Он подошёл к стойке, что-то рывкнул официантке. Марта. Я её знала по имени: она работала здесь давно, всегда вежливая, с тихим голосом и приятной улыбкой.

Он схватил её за локоть. Потом за волосы. Она вырвалась — он ударил её по лицу. Звук был глухим, но отчётливым. Парни с нашего стола уже поднимались. Мануэль и Педро рванули к стойке, оттаскивая пьяного, который орал что-то невнятное, переходя на русский мат. Земляк. Чёрт возьми. Стыдно.

— Успокойся, — сказала я громко, чётко, чтобы перекрикнуть гул бара.

Он обернулся. Глаза красные, зрачки расширены.

— Отвали. Тебя это не касается.

— Касается. Ты не имеешь права бить людей.

Он усмехнулся криво, с презрением.

— Если вы только так и понимаете. Шлюхи. Все. Подстилки. Ебётесь направо и налево, а строите из себя невинных овечек.

— Извинись, — потребовала я.

— Бегу и падаю. Ещё я перед какой-то испанской подстилкой не извинялся. Много испанских членов перевидала?

Внутри отщёлкнул предохранитель. Я всегда решаю вопросы словами. Всегда. Но отец в своё время настоял на курсах самообороны: «Девушка в чужой стране должна уметь за себя постоять. Не для драки. Для выживания». Я помнила стойку, вес, точку приложения силы.

Сжала кулак. Сделала шаг. Удар пришёлся точно в нос. Костяшки тут же занули, кожу на руке обожгло от отдачи. Он дёрнулся назад, пробормотал «сука», но парни уже держали его за локти. Он рвался, хрипел, пытался вывернуться. Кто-то из посетителей уже звонил в полицию. Сирена загудела где-то в нескольких кварталах.

В какой-то момент он вырвался. Не знаю как. Рванулся ко мне, глаза дикие:

— Убью, блять, убью!

Его нога зацепилась за край стола. Он споткнулся, полетел вперёд. Но начал подниматься. Я не думала. Рука сама нашла тяжёлый деревянный табурет у соседнего столика. Подняла. И резко опустила на его спину. Глухой стук. Он рухнул, не издав ни звука.

Тишина. Потом — гул голосов, кто-то открыл окно, пахнуло ночным воздухом. Мои руки дрожали. Адреналин хлестал, смешиваясь с холодной, липкой паникой. Я поставила табурет. Выдохнула. Полицейские вошли через три минуты.

Тяжёлые шаги по деревянному полу. Полиция Каталонии. Двое в форме, один в штатском. Процедура шла быстро, отработанно: развели стороны, проверили документы, задали стандартные вопросы. Марта плакала, прижимая к щеке мокрое полотенце. На щеке уже проступал отёк.

Нас повезли в комиссарию. Тут я ещё не бывала. У меня дебют. Флуоресцентный свет, запах дешёвого кофе. Меня завели в маленькую комнату для допросов. Испанский следователь — вежливый, уставший. Я говорила на испанском, чётко, без эмоций:

— Это была самозащита. Он напал на девушку, потом меня оскорбил. Кричал, что убьёт, бросился на меня.

Он кивал, записывал. Объяснял: против меня могут возбудить дело, если медицинское заключение покажет травмы. Но если свидетели и камеры подтвердят самозащиту, дело закроют или переведут в административное.

Я потребовала связаться с консульством. По закону я имею право. Ночь прошла на жёстком стуле, в тишине, прерываемой шагами за дверью и гудением ламп. Я смотрела на телефон. Заряд — четыре процента. Контакт отца мелькал на экране. Позвонить? Он прилетит. Разберётся. Но я не звонила. Гордость? Упрямство? Или просто понимание, что это мой бой и я должна пройти его сама.

Утром пришёл консульский сотрудник. Молодой, в строгом костюме, с папкой. Объяснил мои права, дал список аккредитованных адвокатов, заверил, что консульство обеспечит связь

с родными, но не может вмешиваться в судебный процесс. «Держитесь, Елизавета. Испанская система работает медленно, но честно». Меня не отпустили.

Ближе к вечеру дверь открылась. Вошёл мужчина. Высокий, подтянутый, в сером костюме, который сидел как влитой. Волосы и борода с редкой серебристой проседью — не старческой, а ухоженной. Карие глаза: внимательные, уставшие. Он остановился у стола, посмотрел на меня оценивающе, но без враждебности.

— Здравствуйте, Елизавета.

— И вам не хворать. Вы кто?

— Марков Алексей Михайлович.

Я замерла. Фамилия отложила мгновению.

— Боже. Только не говорите, что вы родитель этого... имбецила? — Слово вырвалось само. Я сдержалась, вдохнула. — Запомнила фамилию этого придурка. Чего хотите? Я не откажусь от своих показаний.

— Мне как раз нужно, чтобы вы их подтвердили. Но не тут — в России. Следовательно настаивает на очной ставке.

Я нахмурилась. Такого поворота не ожидала.

— Зачем?

— Это не первый случай. На него уже заведено уголовное дело. Бытовое насилие, угрозы, повреждение имущества. Если показания не единичны, если будет установлен паттерн — наказание будет серьёзнее. Суды в России сейчас ужесточают практику. Но без свидетелей... дело развалится.

— Вы же отец. Разве вы не должны защищать своего ребёнка?

Он выдохнул, провёл рукой по лицу.

— Я тоже виноват. Упустил момент... Но лучше поздно, чем никогда.

— Вы серьёзно?

— Да.

— Меня не выпускают. Он выдвинул обвинения против меня.

— Как выдвинул, так и заберёт. Я уже поговорил с ним и с его адвокатом. Но нужно, чтобы вы полетели со мной. Я всё оплачу. Все расходы возьму на себя.

— Я не бедствую, могу сама.

— Зачем вам лишние траты? Я заинтересован. Сам оплачу.

— Я тоже заинтересована. А как та девушка, которую он ударил?

— Она уже дала показания здесь. Мы будем требовать экстрадировать его из Испании в Россию, так как в России дело серьёзное.

— Серьёзное? Он убил кого-то?

— Нет. Но последствия были... тяжёлыми.

— Вот же урод! — Я вскочила; стул отъехал со скрежетом. — Мало я его. Нужно было сильнее. Да как он вообще посмел руку поднимать... Херовое воспитание, Алексей... Михайлович. Очень херовое.

— Знаю, — он опустил взгляд. — Согласен.

Я кивнула. Села. Согласилась на его условия. В суматохе забыла сказать самое главное.

Дальше пошли бумаги. Мне предоставили адвоката — женщину лет сорока, с цепким взглядом и безупречным испанским. Она проверила формулировки, заверила, что самозащита подтверждается камерами и показаниями свидетелей. Через час меня выпустили. Марков ждал в коридоре. Рядом — переводчик, которого он нанял на время. Я-то говорила и на русском, и на испанском, а вот Марков без него — ни в зуб ногой.

На улице ждал водитель. Чёрный «Мерседес», кожаный салон, тихий гул мотора, кондиционер, пахнувший сандалом. Он сказал, что довезёт до дома. Я согласилась. Не было сил спорить.

— Елизавета, я купил билеты на завтра. Летим в обед. Я заеду за вами к одиннадцати. Будьте готовы.

— Летим?

— Да.

— Но я не летаю.

Он повернулся.

— В смысле — не летаете?

— Я боюсь.

— Это самый безопасный вид транспорта.

— Я знаю. Но ничего поделать не могу.

— Нас завтра уже ждут. Я договорился. Время ограничено.

— Можно перенести? Я могу добраться сама. Поездом. Я не обману — приеду, дам показания.

— Нет. Так не пойдёт. Только со мной. Бизнес-класс: там пространство, тишина, можно контролировать процесс. Я проконсультируюсь с врачом. Я позабочусь.

Я молчала. Летала когда-то давно, с родителями. Первая паническая атака случилась, когда я летела одна. Потом — страх, чувство, что воздух кончается, что выхода нет. Но если рядом будет кто-то, кто знает, что делать...

— Вы будете рядом?

— Да.

— У меня может случиться паническая атака. Будьте готовы. Мне нужна будет помощь.

— Я проконсультируюсь с врачом. Я позабочусь, — ещё раз повторил он.

— Хорошо. Я буду готова к одиннадцати.

В машине мы не разговаривали. Он просматривал что-то на планшете, звонил, раздавал указания короткими, чёткими фразами. Тоже, похоже, бизнесмен. Привык держать всё под контролем. На меня не смотрел прямо, но я чувствовала его взгляд, когда отворачивалась.

Он попросил водителя поставить на зарядку мой севший телефон. Экран ожил. Я написала ребятам: «Со мной всё хорошо. Спасибо. Скоро всё объясню». Ответы посыпались сразу — с эмодзи, вопросами, поддержкой. Я отложила телефон.

Машина затормозила у моего дома. Я вышла. Он вышел следом.

— Спасибо, что довезли. До завтра.

— До завтра, Елизавета.

— Можно Лиза. И на «ты». Я вам почти в дочери гожусь, а вы мне выкаете.

Он чуть усмехнулся. В уголках глаз собрались морщинки.

— Дело не в возрасте. Но я услышал. До завтра, Лиза. Отдыхай.

Какое там отдыхай. Я потеряла день. Дедлайн горел. Нужно наверстывать. Я вошла, закрыла дверь на два оборота, сняла ботинки, от которых уже гудели ноги. Быстро в душ: горячая вода смыла запах комиссарии. Съела остатки хамона с хлебом, заварила чай. Села за ноутбук и работала до шести утра. Пальцы ныли, глаза слипались, но я не останавливалась. Когда наконец закрыла крышку, тело само рухнуло на кровать. Я не поставила будильник. Просто вырубилась, проваливаясь в тёмную, тяжёлую тишину.

* Исабель — друзья переименовали имя Лиза/Елизавета на испанский лад.

** Грасия — один из самых известных районов Барселоны, с мощным историческим наследием и сформированной идентичностью. Почти до конца XIX века это был отдельный

город, который поглотила Барселона в процессе своего расширения; однако жители Грасии и до сих пор с гордостью уверяют, что их город был основан ещё в 1628 году.

Глава 2. Алексей

Звонок из консульства застал меня в кабинете. Я как раз заканчивал просматривать отчёты по магазинам, когда зазвонил телефон. Неизвестный номер с испанским кодом. Сердце ёкнуло — неспроста.

— Алексей Михайлович? Вас беспокоят из генерального консульства России в Барселоне. Вас просили проинформировать. У нас чрезвычайная ситуация...

Я слушал и чувствовал, как внутри разрастается жгучая ярость.

После случая с Вероникой я жил в напряжении каждый день. Прошёл уже год. Тогда он избил девушку и сбежал, как последний трус. Вероника провела неделю в реанимации — перелом рёбер, сотрясение, гематомы по всему телу. Я помню её лицо. Помню, как стоял в коридоре больницы и не мог заставить себя войти к ней, извиниться за своего сына.

Совсем недавно Веронике поступила угроза — пришлось приставить охрану. Но это не выход. Нужно вернуть его и наказать по закону. По-настоящему.

Тогда Денис исчез. И вот, спустя больше года, новый эпизод. Только теперь в Испании.

— Гражданин России, Денис Алексеевич Марков, задержан полицией Барселоны. На него подано заявление о домашнем насилии. Но есть ещё одна гражданка России, которая стала свидетелем инцидента и...

— Кто пострадавшая? — перебил я.

— Испанская гражданка... Данные не могу сообщить без официального запроса. Но ваша соотечественница, Баринова Елизавета Борисовна, тоже вовлечена. Она дала показания. Но на неё выдвинуты встречные обвинения.

— Понял. Вылетаю. Разберёмся на месте.

Я повесил трубку и сразу набрал юриста. Потом адвоката. Потом помощницу.

— Мне нужно в Барселону. Срочно. Организуйте всё, — коротко бросил я каждому.

Потом сел в кресло и закрыл лицо руками. Чувство вины, тяжёлое, липкое, подступило к горлу. Развелись с Мариной десять лет назад. Денису тогда было четырнадцать. Самый сложный возраст, переходный период, а отца рядом не было. Марина забрала сына, уехала в другой город. Я виделся с ним раз в месяц, иногда реже — работа, командировки, открытие новых магазинов. Сетка росла, денег становилось больше, а сын... сын отдалялся.

У Марины были мужчины. Из-за них и развелись. Денис их ненавидел. Я помню его злое лицо, когда он говорил: «Опять этот придурок приходил». Но ухажёры, временные мужики — они не заменяют отца. Только хуже получилось.

А теперь он чудит, а я расхлёбываю.

В пять утра я уже ехал в аэропорт. В семь вылетал рейс в Москву, оттуда пересадка на Барселону.

Пока самолёт набирал высоту, я пытался уснуть, но не получалось. В голове крутились обрывки мыслей. Деньги. Конечно, деньги решают многое. Но не всё. Здоровье приходится покупать — спорт, питание, куча БАДов, личные тренеры, врачи. Счастье — суррогат. Любовь — тоже. И сын... сына не купишь. Не исправишь деньгами.

Я достал телефон. Пришло сообщение от адвоката: «Специалистов в Испании нашли. Местные юристы и адвокаты знают систему. Уже едут в отделение. Водитель и переводчик будут ждать в аэропорту. Адрес потерпевшей выяснит адвокат».

Хорошо. Решать вопрос буду сам. Лично.

В Барселоне меня встретил Михаил, переводчик. Мужик лет пятидесяти, с уставшим лицом и внимательными глазами.

— Алексей Михайлович? Добро пожаловать. Машина ждёт, — он кивнул в сторону чёрного «Мерседеса».

По дороге в город я смотрел на узкие улочки, на яркие вывески, на людей, которые спешили по своим делам. Обычная жизнь. А у меня внутри всё горело.

— Не переживайте, Алексей Михайлович, — начал Михаил осторожно. — Юрист и адвокат уже на месте. Я думаю, они уладят. Договоритесь на компенсацию с потерпевшей, заплатите штраф и заберёте своего сына.

Я медленно повернулся к нему.

— Михаил, ты не понял. Я не улаживать приехал. Мне забрать его нужно, чтобы в России судили. По закону. Нужно, чтобы сел и подумал над своим поведением.

Михаил на секунду растерялся. Видно было, что он не ожидал такого поворота.

— А... ну тогда... тоже уладите, — пробормотал он. — Не переживайте.

Шок. Это по-нашему. Когда отец хочет, чтобы сына посадили.

Сначала поехали к Марте. Адрес адвокат выяснил каким-то чудом — видимо, через местные связи. Квартира в старом районе, узкая лестница, облупившаяся краска на стенах.

Дверь открыла молодая девушка. Хрупкая, миниатюрная. На лице — отёк под глазом, жёлто-фиолетовый синяк на скуле, запёкшаяся кровь на губе. Ей было лет двадцать пять, не больше. Тёмные волосы собраны в небрежную косу, глаза красные от слёз.

Убью его. Реально убью.

Я глубоко вздохнул.

— Buenos días. Soy el padre de Denis...* — начал я фразу, которую выучил по дороге.

Михаил подхватил перевод. Я извинялся. Просил прощения за сына. Чувствовал себя последним подлецом — стоял перед избитой девушкой и бормотал какие-то слова, которые ничего не исправят.

Марта пригласила нас внутрь. Квартирка была маленькой, но уютной. На стенах фотографии, на подоконнике цветы. Обычная жизнь, которую мой сын превратил в ад.

Она рассказала, что они встречались несколько месяцев. Денис жил у неё. Что ситуация не первая — он ревновал, бил, но обычно это происходило дома, не на людях. Недавно она рассталась с ним, но он продолжил преследовать: приходил пьяным к ней домой, на работу, устраивал сцены.

Я попросил через переводчика, чтобы она всё это рассказала в полиции. Если есть свидетели — пусть даст их контакты: коллеги на работе, соседи, все, кто может подтвердить.

Она тоже явно не понимала, зачем я топлю сына. В её глазах — недоумение и какая-то усталая покорность.

Потом она кивнула, достала телефон. Показала сообщения, фотографии синяков, которые делала для полиции.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри закипает ярость. Не на неё — на сына и на себя. За то, что допустил это.

— Миша, переведи: я хотел бы компенсировать материально вред, который вам нанёс мой сын. Чем я могу помочь?

Михаил перевёл. Глаза Марты распахнулись. Она замахала руками.

— ¡No, no, no necesito nada! ¡No, señor!** — повторяла она несколько раз, явно возмущённая самим предложением.

Я понял — так дело не решу. Она не хочет денег. Она хочет справедливости.

Мы попрощались. По дороге набрал юриста:

— Найди риелтора. Нужно купить квартиру в Барселоне. Хорошую, со свежим ремонтом. Оформить на пострадавшую девушку. Контакты скину позже. Проследи, чтобы всё оформили нормально. Без сюрпризов.

— Понял. Сделаем. Бюджет?

— Не скупись.

Я повесил трубку. Это минимум, что я могу сделать.

В полицейском участке нас встретил адвокат — худой испанец с быстрой речью и нервными жестами. Он провёл нас в кабинет, показал видео с камер наблюдения.

Я увидел своего сына. Марту. И девушку.

Она ударила его в лицо. А потом табуретом по спине. Серьёзных повреждений нет, но он накатал на неё заявление об избиении.

Я смотрел и не мог поверить.

Заслужил. А она молодец. Красотка.

— Это Елизавета Баринова, — сказал адвокат. — Гражданка России. Она свидетель. Видела, как ваш сын напал на Марту. Вмешалась.

— Её что, тоже задержали?

— Да. Она здесь уже почти сутки.

Это издевательство какое-то. Девушка, которая пыталась помочь, сидит в участке, а мой сын пишет на неё жалобы.

Я попросился к Денису.

Он сидел в камере предварительного задержания. Всё такой же наглый, самоуверенный. Только глаза бегают.

— Ну привет, сынок, — сказал я с порога.

Он подскочил.

— Отец? Ты?

— А ты кого ожидал? Папу римского?

— Я не виноват! Меня избили! Забери меня отсюда!

Лицо Марты и её рассказ всплыли моментально. А потом Вероника... в реанимации, вся в синяках...

Я подошёл ближе, схватил его за рубашку, дёрнул на себя.

— Не виноват? Да как ты смеешь...

— Я её не трогал!

— Её — нет, а Вероника? Марта? Ты хоть представляешь, что ты натворил?

— Они сами виноваты! Шлюхи!

— Заткнись! — Я заорал так, что охранник сделал шаг вперёд. — Просто заткнись! Ты сейчас же забереёшь своё заявление и снимешь все обвинения. Иначе я тебя просто уничтожу. Понял меня?

— Она меня ударила...

— Сильнее надо было бить, чтобы мозги на место встали. — Я отпустил его, отряхнул руки, будто испачкался. — Я зову адвокатов. Ты снимаешь обвинения. Всё. Это не обсуждается.

Он кивнул. Впервые за долгие годы я увидел в его глазах страх.

Потом я попросился к Елизавете.

Она сидела в маленькой комнате для допросов. И когда я её увидел... что-то внутри ёкнуло.

Красивая. Молодая — лет двадцать пять, может, чуть больше. Одета просто: джинсы, бежевый свитер с V-образным вырезом, ботинки. На шее тонкая золотая цепочка с маленьким кулоном в форме звезды, в ушах серьги-гвоздики, тоже звёздочки. Волосы каштановые, волнистые, собраны в небрежный пучок, несколько прядей выбились и обрамляли лицо.

Но не это зацепило. Её лицо — уставшее, но гордое. Под глазами тени: бессонная ночь дала о себе знать. Но держалась она бодро, смотрела прямо, не опускала глаза. Когда адвокат что-то объяснял ей на испанском, она возражала, жестикулировала, отстаивала свою точку зрения. Бойкая. Бегло говорила на испанском. Я не слышал акцента.

Мне она сразу понравилась. И внешне, и характером.

Адвокат объяснил: она работает переводчиком, живёт на две страны.

Мы договорились. Эпизод с Мартой — это одно. Но показания свидетеля — другое. Нужны были её слова, чтобы отправить Дениса в Россию.

В итоге всё решилось быстрее, чем я думал. Денис забрал заявление. Марта — потерпевшая. Елизавета — свидетель. Её действия квалифицировали как самооборону.

Елизавету отпустили. Денис остался — его ещё потаскают по инстанциям, прежде чем отправить в Россию. Это не быстро. Мой адвокат и юрист проконтролируют ситуацию: экстрадиция из Испании возможна, но процесс займёт длительное время.

— Мы подбросим вас домой, — сказал я, когда мы вышли из отделения.

Она согласилась. Села на заднее сиденье, устало откинула голову. Я не трогал её. Видно, что она вымотана.

Мы довезли её до дома в Грасии. Она вышла, я тоже.

Её фраза — «Я вам почти в дочери гожусь» — невольно зацепила. Не такой уж я и старый. Сорок пять — практически в самом расцвете сил. Но рядом с ней я почувствовал себя... старше. Опытнее. И почему-то неловко.

В отель я попал поздно. Отпустил водителя до завтра. Ужин заказал в номер — не хотелось ни с кем говорить.

Позвонил своему врачу. Консультировался по поводу Лизы. Завтра нам лететь, а я... я хотел помочь.

— Что могу посоветовать? — сказал врач. — Из того, что можешь купить без рецепта в Испании, — таблетки от укачивания. У них лёгкий седативный эффект. На более серьёзные вещи нужен рецепт, а его тебе там никто не даст.

— Ещё что?

— В самолёте — вода. Пить маленькими глотками. Пакет для дыхания. Техника дыхания четыре-семь-восемь. Стараться переключить внимание: книги, музыка, разговоры. Вот и все рекомендации. Надеюсь, обойдётся.

Я поблагодарил, повесил трубку.

Вырубило быстро. Накопленный стресс дал о себе знать. Я даже не заметил, как уснул.

* *Buenos días. Soy el padre de Denís...* — Добрый день. Я отец Дениса.

** *¡No, no, no necesito nada! ¡No, señor!* — Нет, нет, мне ничего не нужно! Нет, сеньор!

Глава 3. Лиза

Телефон вибрирует по деревянной столешнице — глухо и настойчиво. Я разлепляю веки. Свет из окна режет глаза. Незнакомый номер. Сердце уже колотится где-то под рёбрами, прогоняя сон. Проспала.

— Да? — Голос вырывается хриплый, сонный.

— Лиза, ты спишь?

Голос. Низкий, ровный.

— Да... — хриплю, сглатывая сухость в горле. — Кто это?

— Марков. Мы уже внизу. Ждём.

Я вскакиваю так резко, что кровь приливает к голове. Ноги касаются холодного паркета. Матерюсь по-испански — тихо, но с душой: «¡Joder, soño, la puta madre...»* Он не поймёт, а мне становится легче.

— Сколько у меня есть времени? Я проспала, — признаюсь честно, уже шаря глазами по комнате, пытаюсь сообразить, что из вещей нужно взять с собой.

— Минут тридцать максимум. Рейс ждать не будет.

— Соберусь быстрее.

— Чай или кофе? Найду тебе что-нибудь на завтрак.

— Кофе. Чёрный. Спасибо. — Бросаю телефон на одеяло.

Ванная. Умываюсь ледяной водой — лицо сразу реагирует, кожа стягивается, но просыпается. Зубная щётка жужжит, как мини-дрель. Тоник, сыворотка с витамином С. Тридцать два — не двадцать, но и не старость. Лицо должно выглядеть живым, даже если последние ночи были не айс. Отеки под глазами замазываю, губы увлажняю бальзамом.

Одежда. В России сейчас, наверное, дубарь. Проверять прогноз лень. Натягиваю чёрные лосины, сверху длинную футболку, на неё — объёмную серую толстовку. Волосы собираю в пучок, закрепляю резинкой, выпускаю две пряди у висков. Зеркало показывает нормальную женщину, которая просто опоздала. Не паникующую. Не растерянную. Просто опоздала.

Рюкзак. Ноут, блок питания, телефон, зарядка, паспорта (российский и загран), кошелек, ключи от квартиры. Сменное бельё, джинсы, кашемировый свитер — на всякий случай. Косметичка: тушь, ВВ-крем, гигиеничка, блеск для губ. Два пшика духов — «Le Labo Santal 33», запах сандала и кожи, чтобы не пахло сном. Готово. Больше ничего не нужно. Если что — куплю. Я давно научилась путешествовать налегке.

Выключаю свет, перекрываю воду, проверяю плиту, окна. Пальто, ботинки на шнуровке. Дверь закрывается с глухим, окончательным щелчком. Прошло двадцать три минуты.

Чёрный седан стоит у подъезда. Марков уже вышел. Открывает мне заднюю дверь, кивает. Холодный воздух бьёт в лицо, пахнет мокрым асфальтом.

— Это всё? — Взгляд на рюкзак, вопросительный, но без осуждения.

— Да. Я же там ненадолго. Мне много не нужно.

— Паспорт?

Открываю боковой карман, показываю оба. Он кивает, обходит машину, садится.

— Поехали.

В подлокотнике — бумажный стаканчик с кофе, сэндвич, шоколадка.

— Ммм, спасибо. — Беру сэндвич, разворачиваю. — А вы?

— На здоровье. Я в отеле позавтракал.

— Извините. Не специально. Работала до шести, отрубил, будильник забыла...

— Ничего. Главное — успеваем на рейс.

Он поворачивается ко мне, протягивает коробку с таблетками и бутылку воды.

— Вчера с врачом советовался. Таблетка от укачивания. Лёгкий седативный эффект. Может помочь. Лучше после еды.

— Хорошо. Спасибо.

Читаю инструкцию, пока жую. Мелкий шрифт, привычные формулировки.

— Сейчас рано. Перед посадкой выпью. — Убираю в рюкзак.

Телефон Маркова вибрирует. Он смотрит на экран, морщится, будто от боли.

Голос в динамике — визгливый, пронзительный, режет воздух, как стекло. Слышно каждое слово, даже не нужно прислушиваться.

— Да, Марина.

— Лёша, почему Денис ещё в полиции?! Почему ты его не вытащил?!

— Марин, не ори. У меня не было цели его вытаскивать.

— Да как ты можешь... Твой ребёнок в полиции! Его могут посадить! Неужели нельзя было заплатить этой испанской девке?

— Марина, успокойся. Его будут судить по закону.

— В смысле — судить?!

— А ты как думала? Он будет бить девушек, и ему это сойдёт с рук? — Голос Маркова меняется. Становится тише, но плотнее, как натянутая струна. — Я тебя хоть раз пальцем тронул? Или руку на тебя поднял?

— Да что он там сделал? Ну синяк... Пройдёт.

— Ты прикалываешься, Марин?

— Ну а что...

— Ничего. Ты их не видела.

— Он мне рассказывал. Ударил пару раз. За дело. Не просто так. Они ему изменяли.

— Да? Пару раз? — Марков сжимает челюсть. Я вижу, как напрягается сухожилие на шее.

— Вероника неделю в реанимации была. Потом ещё две на лечении. Я лично контролировал, каждый день приходил. А Денис где был в этот момент?

— Она изменяла ему.

— Никому она не изменяла. А если и так — я тогда должен был тебя в реанимацию вместо развода отправить, так?

Тишина. Глухая, тяжёлая. В машине вдруг становится тесно. Хочется выйти.

— Что молчишь, Марина? Других избивать можно, тебя нет?

— Но он же наш сын, Лёша...

— Значит, мы как хуёвые родители должны нести ответственность за его хуёвое воспитание. Если его не наказать серьёзно — это продолжится. Пусть посидит. Подумает.

— Ты не посмеешь!

— А кто мне помешает? Закон должен быть один для всех.

— Лёш, но это было всего несколько раз, я всегда договаривалась...

Лицо Маркова меняется мгновенно. Челюсть сжимается. Желваки перекатываются под кожей. Свободная рука сжимается в кулак так, что костяшки белеют.

— Скажи, что ты пошутила, Марина, — практически рычит он. Голос срывается на низкие ноты, в которых больше боли, чем злости.

— Ну это... Лёш, я как лучше хотела...

— Лучше? — Он выдыхает, будто выталкивая из лёгких яд. — Ну как получилось лучше? Я себя винил. Думал, упустил что-то. А он уже такой мне достался. Мне нужен список всех девушек. Всех. Сегодня. Не пришлешь — я сам найду. Но тогда будет хуже. Ты меня знаешь.

— Лёш, не надо, пожалуйста.

— Надо, Марин. Надо. Я для него сейчас стараюсь.

Кладёт трубку. Не сразу. Держит телефон в руке ещё секунду, потом опускает его на колено. Отворачивается к окну. Я вижу, как его плечи слегка дрожат. Не от холода. От ярости, которую он держит в себе, как раскалённый уголь.

Это пиздец. По-другому не скажешь. И не в том, что сын такой урод. А в том, что мать готова покупать молчание, как блюдо в ресторане. А отец — единственный в этой цепи — решил разорвать её.

Я сижу тихо, почти не дышу. Кофе остывает. Внутри всё сжимается. Не от страха. От уважения. И от той густой, неподдельной правды, которая только что прозвучала в этом кожаном салоне. Он не герой. Он просто отец, который отказался закрыть глаза.

Едем молча. Гул мотора ровный, убаюкивающий. Я тихо допиваю кофе.

— Лиза, ты извини, — наконец говорит он, не поворачиваясь. Голос тихий, уставший. — Ты не должна была этого слышать. Это личное.

— Ничего, — отвечаю честно. — Я стала вас ещё больше уважать. Вы правы. Всё делаете верно.

— Мгм. — Выдыхает. Плечи опускаются на полсантиметра.

— С той девушкой... Вероникой... сейчас всё хорошо?

— Хорошо после такого вряд ли бывает. Больше года прошло... Она ещё в терапии. Но вроде кто-то появился рядом недавно.

— Вы следите за её жизнью?

— Не слежу. Но интересуюсь иногда.

Я киваю. Больше не спрашиваю. Смысл понятен. Чувство вины, ответственность, тихая мужская совесть, которая не откупается просто деньгами.

В аэропорту всё проходит чётко. Марков забирает свой маленький чемодан, оставляет водителю сотню евро на чай, кивает мне.

— Давай рюкзак. Понесу.

— Я сама. Он не тяжёлый. Спасибо.

Мы проходим регистрацию вовремя. Я выпиваю таблетку, запив водой. Горький привкус остаётся на языке. Почти сразу — посадка.

Бизнес-класс. Кожаные кресла, больше места, приглушённый свет, мягкий гул подготовки к вылету. Он пропускает меня к окну.

— Устраивайся поудобнее, — говорит мне, а затем стюардессе: — Принесите, пожалуйста, сразу воду и пакет. Девушка плохо переносит полёты.

— Конечно.

Через минуту на столике: бутылка воды, влажные салфетки, бумажный пакет. Я прикрываю глаза. Рёв двигателей, давление в ушах. Взлёт проходит хорошо. Но внутри всё сжимается.

Марков поглядывает на меня. Часто.

— Всё хорошо? Нормально? Как себя чувствуешь?

Вопросы сыплются каждые пять минут. Я киваю, улыбаюсь, говорю «всё ок». Он волнуется. Как человек, который взял на себя ответственность за кого-то другого. И это почему-то греет.

Он уходит в туалет. Приносят шампанское и тарелку с орехами и сыром. Не задумываясь, беру бокал. Пузырьки щекочут нос, алкоголь мягко растекается по горлу, расслабляя плечи. Я даже не замечаю, как выпиваю почти весь бокал.

Когда Марков возвращается, он снимает пиджак, аккуратно складывает его, убирает наверх, садится. И замечает бокал.

— Лиза... это совместимо с таблетками? — Голос ровный, но в нём появляется та самая стальная нотка.

— Чёрт... — Я хватаю рюкзак, роюсь в карманах, нахожу коробку. Читаю мелкий шрифт. «Препарат усиливает действие алкоголя. Возможны: головокружение, дезориентация, эмоциональная лабильность...»

Снова матерюсь по-испански. Тихо, но со вкусом.

— Это испанский мат? — спрашивает он, наклоняясь ближе. — Всё так плохо?

— Это испанский стыд, — делаю глубокий вдох. Выдох. Сердце бьётся чаще. Тепло уже ползёт вверх, к щекам.

— Что? — Он напрягается. Взгляд цепкий, беспокойный. — В чём дело?

— Надеюсь, меня просто развезёт или я засну. Но могут быть и другие... спецэффекты.

— Какие?

— Надеюсь, их не будет.

— Лиза, какие? Я должен знать.

— Ничего страшного, правда.

— Точно?

— Да.

Он закатывает рукава медленно, без суеты. Сначала правый: ткань скользит, обнажая кожу с лёгким загаром и чётко проступающими венами. Потом левый. Я не отрываю глаз. Рубашка дорогая, тонкий хлопок, но теперь она выглядит иначе: расстёгнутая у ворота, подвёрнутая до локтей, она открывает то, что должно быть скрыто. Он усаживается в кресло, откидывается, устраивается по-хозяйски. В каждом движении читается не спешка, а спокойная уверенность человека, который давно перестал что-либо доказывать.

Он берёт свой бокал. Не спеша обхватывает ножку пальцами. Я залипаю. Буквально. Дышу реже.

Красивые мужские руки — мой фетиш. А у него они нереальные. Широкие ладони, длинные пальцы с аккуратными ногтями, сильные суставы. Тяжёлые часы с сапфировым стеклом на запястье, тикающие где-то в районе моего пульса. И вся эта картинка складывается в одно: отложенный ворот, закатанные рукава, тёмный металл, шампанское в стекле, расслабленная поза. Это так... так сексуально, что внутри всё сжимается.

Боже, только не это. Я чувствую, как алкоголь уже пошёл в кровь: тепло, тягуче, предательски. Я знаю этот сценарий наизусть. Когда я перебираю, становлюсь слишком... любвеобильной. Слишком честной. Забываю о границах. Могу протянуть руку, коснуться его предплечья просто чтобы «проверить» на ощупь. Слова срываются без фильтра. Я говорю то, о чём стоит молчать. Смотрю так, как не стоит. И он — мужчина, который привык читать пространство вокруг себя, — всё это заметит.

Я сжимаю бутылку с водой крепче. Стекло холодит кожу. Пытаюсь перевести взгляд на его лицо, на губы, на глаза — куда угодно, лишь бы не на руки. Но они снова в поле зрения. Лежат на подлокотнике. Расслаблены. И я считаю расстояние до них. Двадцать сантиметров. Или одно движение.

Я делаю глоток воды. Плохо. Очень плохо. Понимаю, что фильтры уже начали отключаться.

* «*Joder, coño, la puta madre...*» — Чёрт возьми, блин, твою мать!..

Глава 4. Алексей

Утро началось с привычного ритуала. Контрастный душ. Завтрак по расписанию: чёрный кофе, два яйца, тост. Сводка новостей на телефоне. Привычка, которая держит меня на плаву, когда график летит к чёрту. Я не люблю суету. В сорок пять лет ценишь предсказуемость. Но сегодня предсказуемость трещала по швам.

Водитель уже ждал у отеля, двигатель работал на холостых.

— По дороге заедь, пожалуйста, в аптеку. Купи таблетки от укачивания. И воду. Негазированную, пол-литра.

Он молча кивнул, включил поворотник. Я откинул голову на подголовник и закрыл глаза.

Лиза проспала. Но вышла из подъезда через двадцать минут. Быстро, чётко, без женских «ещё пять минуточек». Одевалась как человек, который собирается в дорогу, а не на свидание: чёрные лосины, серая толстовка, длинное пальто цвета мокрого асфальта, грубые ботинки на шнуровке. Волосы стянуты в небрежный пучок. На лице ноль макияжа. Только умытая кожа и тёмные круги под глазами. Работала до утра. Вторая ночь без нормального сна. Девчонка себя загонит.

Пахла приятно. Слишком приятно.

Надеюсь, в самолёте вырубится и долетим без проблем. Я просто прослежу, чтобы она дышала ровно. Это всё. Профессиональная ответственность. Ничего личного.

Телефон зазвонил ещё до выезда на трассу. Марина.

Только она могла такое натворить... Раздраконила за пару минут. Я сидел неподвижно, сжимая телефон так, что костяшки побелели. В груди закипала тихая ярость. Пар из ноздрей шёл по-настоящему. Пульс колотился где-то в горле. В моём возрасте я уже должен уметь глотать эмоции, не ломая зубы об них. Но иногда организм отказывается подчиняться разуму.

Аэропорт прошёл как по маслу. Приоритетная линия, быстрый досмотр, бизнес-зал. Мы уселись в кресла, двигатели зарычали. Взлёт она перенесла нормально. Я кивнул ей и прошёл в уборную. В туалете долго мыл лицо. Смотрел на себя в зеркало: уставшие глаза, лёгкая синева под ними, седина на висках, которая появилась резко, год назад. Лицо человека, который привык контролировать пространство вокруг. Поправил воротник рубашки. Вышел.

В салоне Лиза уже держала в руке бокал с шампанским. Пила мелкими, быстрыми глотками.

— Лиза... это совместимо с таблетками?

— Чёрт... — нервно ищет инструкцию, быстро читает. — Или вырубит... или развезёт, — пробормотала тихо. Она сглотнула. Отвела взгляд. Потом вернула его ко мне. Щёки порозовели.

Про спецэффекты говорить не хочет. Это немного напрягает.

Я тоже взял бокал. Не люблю шампанское. Слишком сладкое, слишком лёгкое. Но стресс сжал грудную клетку тисками. Сделал глоток. Холодное. Кисловатое.

И тут заметил.

Она смотрела на мои руки. Не краем глаза. Откровенно. Изучала. Как художник, который нашёл идеальную модель. Пальцы лежали на подлокотнике. Я слегка пошевелил кистью. Она тут же отвела взгляд, щёки залил лёгкий румянец. Посмотрела в иллюминатор. Через минуту снова вернулась. На запястье. На сухожилия. На часы.

— Жарко, — выдохнула она и потянула толстовку за край.

Пальцы зацепились за футболку. Одежда поехала вверх. Открыла живот, рёбра, почти до груди.

— Лиза, твою мать, — я дёрнул край вниз, аккуратно, но твёрдо.

— Что? — она моргнула. Взгляд уже поплыл. Зрачки расширены. Понятно. «Развезло». Алкоголь + недосып + препарат.

— Аккуратнее. А то чуть стриптиз тут не устроила.

— О-о-о, стриптиз? — она улыбнулась, глядя прямо в глаза. — Это я могу.

Сглотнул. Горло сжалось.

Она потянула толстовку снова. Теперь без футболки. Резинка соскользнула. Тёмные, слегка волнистые волосы рассыпались по плечам. Ей шло. Чёрт, ей очень шло.

— Ой, кажется, я всё испортила, — пробормотала она, сгребая волосы, прижимая толстовку к груди, как щит. — Сейчас...

Перевязала пучок. Сложила ткань. Убрала в рюкзак.

И я замер.

Тонкий хлопок футболки. Никакого белья. Соски чётко проступали, напряжённые от холода или от чего-то другого.

— Лиза, прикройся, — протянул ей плед.

— Мне жарко, — она начала махать краем футболки, разгоняя воздух. Лицо розовое, дыхание чуть учащённое.

«Всё нормально, — сказал себе. — Сейчас остынет, выдохнет и уснёт».

Хрен там.

— Алексей Михайлович, а вы женаты?

Голос тихий, но чёткий. Без намёка на игривость. Просто вопрос.

— Эм. Нет.

— Почему?

— После первого брака понял, что это не моё.

— Ммм. Жаль... — она вздохнула, опустила глаза. — Такой экземпляр пропадает.

Обидно.

Бля. Что это сейчас происходит?

— У меня, знаете, тоже давно отношений нет. С парнем расстались больше года назад.

Изменял. Козлина...

— Тебе такой не нужен, — сказал тихо.

— А вы жене изменяли? Или только она вам?

— Не изменял. — Честно. Всегда честно.

— Вот. Говорю же, хороший экземпляр...

Задумалась. Взгляд скользнул по лицу, шее, ключицам, рукам. Такое чувство, будто она меня раздевает. Глазами.

— Лиза, это те самые спецэффекты? — спросил, стараясь не менять интонацию.

— Что? Нет... — она усмехнулась, слегка криво. — Хотите, покажу один? У меня уже почти нет сил сдерживаться.

— Эм... Ну давай. Если сил почти нет.

— Уфф. Спасибо, — выдохнула она, будто сбросила груз.

И потянулась ко мне. Обхватила мою ладонь обеими руками. Начала изучать. Медленно. Кончиками пальцев. Прошлась по костяшкам, по внутренней стороне запястья, поднялась к предплечью. Погладила. Слегка сжала. Вернулась. Кожа её была тёплой. Мои мышцы непроизвольно напряглись.

Я замер. Чувства рвали в разные стороны. Приятно. Слишком приятно. И странно. Как будто тело проснулось раньше мозга.

— У вас ахуенные руки, — сказала она тихо, глядя прямо в глаза. — Они меня возбуждают.

Ни тени лжи. Ни кокетства. Чистая, прозрачная правда.

Внутри всё дёрнулось. Хочется этими руками сделать многое. Нескромное. Быстрое. Или медленное. Неважно. Главное — коснуться.

Но не успеваю додумать мысль, как самолёт резко клюёт носом. Встряхивает. Сильно. Багажные полки гремят. Загорается табло: «Пристегните ремни». Голос пилота в динамиках: «Входим в зону турбулентности. Просьба оставаться на местах...»

Лицо Лизы меняется мгновенно. Шок. Испуг. Паника. Всё вперемешку. Дыхание срывается.

— Лиза, всё хорошо. Я рядом. Смотри на меня, — говорю ровно, наклоняясь к ней ближе. — Дыши. Вдох на четыре. Задержка на семь. Выдох на восемь. Давай.

Мотаёт головой. Не может. Глаза бегают. Пальцы сжимают подлокотник до белых костяшек.

Хватаю её руку сам. Сжимаю крепко, но без боли.

— Я с тобой. Всё хорошо. Сейчас пройдёт.

Нас трясёт. Ещё. И ещё. Ровно, как в стиральной машине.

— Воды? — предлагаю, кивая на бутылку.

Мотаёт. Нет.

Дышать не хочет. Пить не хочет. Что там ещё было в рекомендациях врача? Переключить внимание. Заземлить. Нужен якорь, контакт. Блять, как?

— Лиза, смотри на мою руку, — говорю тихо.

Наклоняюсь. Кладу ладонь ей на колено. Поверх лосин. Начинаю гладить. От колена вверх. Потом обратно. Ровно. Чуть сжимаю, чтобы она чувствовала вес, реальность, границу.

Она замирает на пару секунд. А потом кладёт свою ладонь сверху. Не останавливает. Просто держится.

— Всё хорошо?

— Не останавливайся, пожалуйста, — шепчет еле слышно.

Продолжаю. Каждый раз рука поднимается чуть выше. Сжимаю внутреннюю часть бедра. Чуть сильнее. Она тяжело выдыхает. Губы приоткрываются. Грудь вздымается. Звук тонет в гуле двигателей, но я его слышу.

— Ещё, — просит шёпотом.

По дыханию. По глазам. По напряжённым соскам, проступающим сквозь ткань. Понимаю: она возбуждена. Сильно.

«Блять. Если это ёбанные спецэффекты, потом будет хреново», — думаю про себя. Но остановиться не могу. Тело движется само. Рука идёт по инерции. Её пальцы подталкивают выше. Ткань натягивается. Я задеваю промежность. Она раздвигает ноги, подаётся вперёд. Чуть. Достаточно.

Тихий стон вырывается сам собой. Почти неслышный под гул двигателей.

— У вас всё в порядке? — Стюардесса оказалась рядом, будто из ниоткуда. Стоит в проходе, блокнот в руке, глаза настороженные.

— Да, девушке нехорошо стало, но уже вроде лучше, — отвечаю, не убирая руки. — Лиза, всё в порядке?

— Да... Лучше. Спасибо, — она краснеет, отворачивается к иллюминатору.

Стюардесса кивает, шагает дальше. Моя рука остаётся на её бедре. Не двигается. Турбулентность кончилась. Мы даже не заметили. Загорелась зелёная лампочка: можно расстегнуть ремни.

Мы сидим. Смотрим друг другу в глаза. В её взгляде всё: растерянность, страх, который ушёл, оставив после себя пустоту, заполненную желанием. Диким. Почти животным. В моих — то же самое. Моё собственное дыхание стало поверхностным.

Я убираю руку. Медленно. Бровь Лизы дёрнулась.

— Да вы динамо, Алексей Михайлович, — сказала тихо.

— Что?

— Ну как что. Возбудим и не дадим. Нехорошо так делать.

— Лиза...

— Ой, ладно, всё. Поняла. Это была ошибка. Бла-бла-бла. И всё такое. Забыли.

— Лиза!

— Не переживайте. Это останется нашим маленьким секретом, — голос стал ровным, почти насмешливым.

— Не понял. Что?

— Ну то, что вы не смогли довести дело до конца. — Смотрит с вызовом. Подбородок чуть вздёрнут.

Вот же сучка.

— Пошли, — встаю. Протягиваю ей руку.

— Куда?

— Завершать дело до конца.

Она подняла взгляд. Лупает своими карими глазищами. Не верит. Проверяет.

— Сдулась? — теперь я смотрю на неё с тем же вызовом.

И лучше бы реально сдулась. Хрен знает, куда это заведёт. Лучше бы она сейчас сказала «да», и мы бы вернулись к границам и приличиям. Но она не сказала.

Чёрт. Протянула руку. Встала. Пальцы скользнули в мою ладонь. Тёплые. Уверенные.

Идём в уборную. Вместе. Игнорируя взгляды. Игнорируя шёпот. Игнорируя всё, кроме шагов и дыхания. Заходим в туалет. Вдвоём. Похуй, кто что подумает.

Закрываю дверь на защёлку. Щелчок громкий в тесном пространстве. Зеркало, холодный свет, гудение вентиляции.

Она стоит немного растерянная. Плечи опущены. Дыхание неровное. Не трахалась в туалете. Я тоже. Но всё бывает в первый раз. Возраст не спасает от любопытства.

Подхожу к раковине. Включаю воду. Мою руки. Долго. Тщательно. Пальцы скользят по мыльной пене. Костяшки. Линии ладоней. Запястье. Она смотрит. Залипает. Зрачки темнеют. Её реально возбуждают мои руки. Хорошо. Сейчас эти руки и доведут дело до конца.

Вытираю бумажным полотенцем. Поворачиваюсь. Подхожу вплотную. Между нами сантиметров пять. Чувствую тепло её тела. Чувствую, как она задерживает дыхание.

— Последний шанс всё остановить и выйти, — говорю тихо. — Скажи — и откроем дверь.

И вроде нужно дать ей время подумать, но я ныряю рукой под край её футболки. Кожа тёплая. Рёбра. Живот. Дрожит.

Она мотает головой. Отрицательно. Глаза не отводит.

— Ммм, — выдыхает. И закрывает их.

Глава 5. Лиза

Кажется, я совсем отбитая. Или это просто таблетка, алкоголь и перепад давления на крейсерской высоте так влияет на префронтальную кору.

Я не только потрогала Маркова. Мне очень хотелось. Хотелось до дрожи в пальцах, до сухости во рту, до того состояния, когда мозг отключается и остаётся только тягучая, тупая потребность. Но я разрешила трогать себя. А в процессе поняла, что мне это нравится. И я хочу больше. Очень хочу.

Нарвалась. Сама. Своей инициативой, своим взглядом.

А он... нет бы повести себя как взрослый, мудрый мужчина с опытом и самоконтролем. Нет же... Взял и повёлся. Как пацан на слабо. И теперь мы с ним заперты в уборной Airbus A321, в метре квадратном зеркал, пластика и рециркуляционного воздуха. Гул турбин стоит в ушах, как белый шум. Лампа под потолком бьёт холодным, неумолимым светом.

Я стою, привалившись плечом к стене, и откровенно пялюсь на то, как он моет руки. Вода шумит, стекая по его пальцам. Костяшки крупные, вены вздуваются, когда он трёт ладони друг о друга. Нужно было взять с собой телефон и снять это. Это шедеврально. Эстетично. Сексуально до дрожи в коленках.

Он выключает кран. Вода капает ещё секунду, потом затихает. Вытирает руки бумажным полотенцем, медлит, бросает смятый ком в урну. И только потом разворачивается.

Мы стоим слишком близко. В этом отсеке иначе и не встанешь. Я чувствую запах его парфюма, смешанный с тёплой кожей. Чувствую, как воздух между нами становится плотнее.

Он говорит что-то про последний шанс, но слова долетают как сквозь вату.

Какая-то умная, одинокая мысль мечется в голове. Надо остановиться. Мы летим. Впереди Москва. Дела. Нужно держать границы. Всё усложнится. Я пытаюсь за неё ухватиться, как за перила на скользкой лестнице. Но не успеваю.

Его руки ныряют под край моей футболки. Сначала касаются кожи чуть выше пупка. Пальцы прохладные от воды, потом быстро согреваются. Он ведёт ладони медленно, почти исследовательски: по животу, по рёбрам, по нижней дуге.

Мысль тухнет, как догоревший фитиль.

Я мотаю головой. Отрицательно. Закрываю глаза.

Руки на моём теле становятся увереннее. Скользят вверх, обходят бока, ложатся на грудь. Поглаживают. Сжимают. Большие пальцы лениво, но точно нащупывают соски, проводят по ним кругами. Так хорошо. Так, как мне надо. Как мне нравится.

Марков задирает футболку. Ткань собирается под подбородком. Он наклоняется, губы почти касаются кожи.

— Провокаторша маленькая, — говорит он, и дыхание обжигает.

Зубы осторожно смыкаются на соске. Не больно. Точно. Электрический разряд проходит от груди до низа живота. Я выгибаюсь инстинктивно, навстречу. Зарываюсь пальцами в его волосы. Густые, чуть жёсткие. Скольжу от затылка вверх, потом вниз. Царапаю ноготками, не сдерживаясь.

— Ли-за... — покусывает он, и слово превращается в вибрацию у меня на коже.

— Ещё, пожалуйста, — прошу. Голос сипит.

Он легко поворачивает меня, меняя нас местами, и сажает на холодную столешницу раковины. Становится между моих ног вплотную. Ткань его брюк плотная, но я чувствую его возбуждение. Цепляюсь за его плечи. Потом перемещаю руки на шею. Хочу притянуть и поцеловать в губы, но он уворачивается в последний момент. Наклоняется, целует в шею, ниже уха, потом ещё ниже, к ключице.

Окей. Не все любят поцелуи в губы в таких обстоятельствах. Но мне мало контакта. Хочется кожа к коже. Ближе. Я тянусь к его рубашке, расстёгиваю верхние пуговицы. Ладонь скользит по груди. Мышцы напрягаются под моей рукой. Сердце бьётся часто, но ритмично.

— Лиза... — выдыхает он в мою шею.

Я трусь об него, как кошка, ища трения, точки сброса напряжения. Он поддевает пальцами резинку моих лосин.

— Малыш, они мне мешают.

Боже. Мне они тоже сейчас капец как мешают. Я киваю, хотя он не видит.

Цепляюсь за него как коала, попа отрывается от столешницы. Он подхватывает меня за бедра, тащит лосины и трусики вниз. Движения экономные, без суеты. В тесноте туалета это почти акробатика. Сажает меня обратно на самый край. Холодный пластик пробирает до костей, но жар внутри уже не даёт замёрзнуть.

Его рука уверенно скользит вниз. Из меня рвётся стон. Громкий. Неконтролируемый.

— Чёрт, Лиза, ты вся мокрая.

— Я же сказала... меня возбуждают твои руки. — Фраза вылетает, прежде чем я успеваю её обдумать. Но это правда.

Он просто начинает ласкать меня. Пальцы двигаются медленно, водят по складкам, задевая то, что нужно, с пугающей точностью. Я подаюсь вперёд и кусаю его за плечо через ткань рубашки. От переизбытка чувств. От того, что не могу вместить это в себя.

— Мм... — мычит он в ответ, но не останавливается. Пальцы скользят вниз, вверх. Я начинаю ловить его темп, двигаться с ним. Стону в его плечо, в воздух. Он только слегка задевает нужную точку, как будто специально дразнит. Как будто ждёт, пока я сама попрошу.

— Ещё, — прошу.

Он слегка надавливает на вход. По телу проходит дрожь. Скользит пальцами снова. Опять повторяет. Но не входит. И так несколько раз. Меня уже начинает потряхивать от нетерпения. Мышцы сжимаются, разжимаются, просят разрядки.

— Пожалуйста, не могу больше.

Он скользит внутрь. Я всхлипываю. Звук получается слишком громким, слишком честным.

— Тихо, малыш. — Прижимается ближе, стягивает резинку с моих волос. Они рассыпаются по плечам, щекочут кожу. — Красивая, — поглаживает по спине другой рукой.

Начинает двигать пальцами внутри. Глубоко. Ритмично. С тем знанием, которое приходит только с опытом. С умением слушать тело.

В дверь стучат. Резко. Громко.

— Извините, у вас всё хорошо? Помощь нужна? — женский голос. Стюардесса. Чёткий, профессиональный тон.

Марков не останавливается. Но вжимает меня в себя, чтобы заглушить мои стоны. Его дыхание у моего уха становится ровнее, голос — другим. Спокойным, почти скучающим.

— Девушке плохо, у неё паническая атака. Как успокоится — выйдем. Я знаю, как с этим справиться, не переживайте.

— Хорошо, поняла.

Шаги удаляются. Снова только гул двигателей и наше дыхание.

Я поднимаю лицо, заглядываю в его глаза. Они практически чёрные. Зрачки расширены. Возбуждение, контроль, что-то тёмное и живое на дне.

— Всё хорошо, малыш. Ты просто расслабься и кончай. Об остальном я сам позабочусь. Только потише. Не шуми.

Да я как бы и не напрягалась. Но тише не могу. Поэтому вжимаюсь в его руку, дышу в него. Чувствую, как внутри нарастает напряжение. Цепляюсь сильнее. Кажется, царапаю его плечи, спину. Ногти точно оставляют следы. Но мне всё равно.

Марков берёт меня за подбородок. Поднимает моё лицо, чтобы мы встретились глазами.
— Лиза, на меня смотри, когда кончаешь.

Звучит как приказ. А я не люблю, когда мне указывают. Дёргаю подбородком. Он перехватывает, большой палец оказывается на моих губах. Я, недолго думая, кусаю его. Не отводя взгляд.

Он даже не поморщился. Но движения внутри останавливаются.

Ну как так? Я уже почти. Тело горит, мышцы дрожат, а он просто стоит. Смотрит. Держит. Мы смотрим друг другу в глаза. Между нами практически искрит. Воздух наэлектризован.

— Лиза, на меня смотри! Я хочу, чтобы ты знала, чьи это руки. Поняла меня?!

Молчу. Он держит мой подбородок. Палец на губах. Тепло. Твёрдо.

Делает пару движений внутри. И опять останавливается.

— Ты поняла меня?

Гляделки продолжают. Опять повторяет. И просто ждёт.

Тело просит разрядки. Мозг кричит. Но он не даёт.

Толкаюсь сама. Бёдрами.

— Поняла. Я поняла.

Дальше всё происходит очень быстро. Его движения становятся быстрее. Чётче. Просто ритм, который подхватывает меня и выносит. Меня накрывает. По телу прокатывается волна, и я обмякаю в его руках. Выдыхаю. Рассыпаюсь. Пустая и полная одновременно.

— Тихо, малыш, тихо. Всё хорошо. — Гладит меня по волосам, по спине.

Я пытаюсь восстановить дыхание.

Через пару минут Марков отстраняется. Берёт бумажные полотенца из диспенсера. Аккуратно, без суеты, вытирает меня. Движения бережные, в них нет отстранённости. Есть забота.

— Цепляйся, — говорит тихо.

Я сразу понимаю, о чём он. Обхватываю его руками и ногами. Попа снова отрывается от раковины. Он натягивает сначала трусики, потом лосины. Ткань тянется, цепляется, но он справляется. Сажает меня обратно. Поправляет мою футболку. Застёгивает свою рубашку. Пуговица за пуговицей. Моет руки. Вода, мыло, бумажные полотенца.

— А теперь пару минут посиди с закрытыми глазами.

— Зачем?

— Я не могу так выйти. — Кивает на свой пах. Голос ровный. Без стыда.

— Возьми меня, — слова вырываются сами. Не от похоти. От какого-то странного, щемящего желания продлить это.

— Не могу, малыш. Хоть и очень хочу.

— Почему?

— Я безоружен. Патронов нет.

— Я пью таблетки.

— Дело не только в детях. Тебе тоже настоятельно рекомендую проверять партнёров. На всякий случай. — Он говорит это не как укол. Как совет. Как мужчина, который видел слишком много, чтобы играть в русскую рулетку. — Глаза закрой.

Закрываю глаза. Слышу звук ремня. Молнии. Понимаю, что происходит. Любопытство берёт своё. Совсем чуть-чуть приоткрываю веко. Он стоит спиной. Вижу только движение его руки. Потом слышу тяжёлый, глухой выдох. Сдержанный. Контролируемый, даже в момент разрядки.

— У вас просто ахуенные руки, Алексей Михайлович, — шепчу я, не открывая глаз. — Мы оба кончили. И оба от вашей руки.

Закрываю глаза полностью. Сажу. Болтаю ногами. Сердце стучит ровнее.

— Дошутишься, пиранья маленькая.

— Почему это пиранья?

— Кусачая.

Он подходит. Моет руки снова. Вода шумит. Бумажные полотенца шуршат.

Когда я открываю глаза, он собран. Волосы приглажены. Рубашка застёгнута. Лицо спокойное. Как будто ничего не было. Как будто мы просто зашли помыть руки.

— Умойся, — говорит он мне.

— Зачем?

— Для всех у тебя тут, вообще-то, паническая атака была. А не оргазм.

— А-а-а... Точно. Вот я тормоз.

Умываюсь, слегка мочу волосы. Вода ледяная. Смотрю в зеркало. Глаза блестящие. Щёки розовые. Но в целом — я. Живая. Настоящая.

Мы выходим. Прохладный воздух салона бьёт в лицо. Запах кофе и парфюма. Гул двигателей.

Стюардесса подходит сразу же, как будто ждала за углом.

— У вас всё в порядке?

— Да. Уже нормально, — отвечаю я. Голос ровный. — Если у вас есть травяной чай, то принесите, пожалуйста.

— Есть. Ромашка или мята?

— Ромашка. Спасибо.

Мы идём по проходу. Он поддерживает меня со спины. Просто ладонь между лопаток.

Садимся на свои места. Проход, кресло, окно. Как и было. Он накрывает меня тонким пледом. Смотрит на часы на запястье.

— Через час уже посадка. Немного осталось.

Приносят чай. Я пью маленькими глотками. Обжигаю язык. Он листает журнал. Не смотрю на него.

Сидим. Как ни в чём не бывало. Соседи храпят. Ребёнок впереди плачет, потом затихает. Экран над головой показывает карту.

Меня отпустило. Физически — точно. Тело мягкое, тяжёлое, удовлетворённое. Но мозг... мозг напрягся. От непонимания.

Я не знаю, как дальше себя вести. Смотреть на него? Не смотреть? Притвориться, что ничего не произошло? Он уже решил за нас обоих, что это не обсуждается на борту. И, возможно, он прав. Но я сижу, пью остывающий чай, чувствую запах его парфюма на своей футболке и понимаю, что просто игнорировать это будет сложно.

Глава 6. Алексей

Глянцевые страницы журнала скользят под пальцами, но я не фиксирую ни одной буквы. Они расплываются, сливаются в серую рябь. Пальцы до сих пор вибрируют. Едва уловимый, но назойливый тремор в подушечках, как после долгого тяжёлого инструмента. Или после прикосновения к чему-то, что оставляет след на нервной системе. Под кожей ещё стоит тот жар. Не внизу живота — там всё улеглось, оставив после себя знакомое, чуть тупое послевкусие. Жар живёт в груди. Сижую прямо, лопатки упираются в обшивку кресла, как будто поза способна вернуть утраченный самоконтроль. Смешно. Сорок пять лет, седина на висках, репутация человека, который умеет держать лицо и не путать импульс с решением. А полчаса назад я терял контроль, как подросток, впервые оказавшийся в тесноте с тем, кого давно хотел.

За иллюминатором — ровная, ватная облачность. В салоне — тот самый прохладный, пропитанный кофе и чужими парфюмами воздух, который сейчас кажется слишком разреженным для моих лёгких.

Ладони до сих пор помнят её кожу. Тёплую, живую. Как она вздрогнула, когда мои пальцы скользнули под край футболки. Не играла. Не изображала недоступность. Не торговалась. Просто открылась. И это, чёрт возьми, было опаснее любого отточенного соблазна. Я закрываю глаза на долю секунды — и снова чувствую холод раковины под её бёдрами, тяжесть её тела, когда она обхватила меня ногами. Запах её духов, смешанный с чем-то личным. И этот укус. Сначала на плече, через ткань рубашки. От избытка. Потом на пальце. От злости. Больно. Честно. Укусила, не отрывая взгляда. Я не дёрнулся. Только внутри всё сжалось, как пружина.

«Пиранья маленькая» — не зря сказал. У неё есть характер. Искренний, неподконтрольный, неудобный для ровной жизни. Но я уже знаю, что страсть выгорает, а характер остаётся.

Она смотрела прямо. Открыто. Не кокетничала, не выстраивала дистанцию, как это делают умные женщины, которые уже всё просчитали. Просто смотрела — и в этом взгляде была такая честная, почти детская потребность, что мой внутренний «взрослый» дал трещину. Одна её фраза, вылетевшая хрипло, без прикрас: «Меня возбуждают твои руки». И всё. Броня слетела. Не из-за похоти. Похоть у меня контролируемая. Её снесло другое. Податливость, от которой сводит челюсти. Не пассивность — именно доверие. Она открылась. До нерва. Разрешила мне вести. А мне хотелось не просто взять своё, а довести её до того края, где кончается контроль. Хотелось, чтобы она запомнила не просто ощущения, а то, как я её держал. Как слушал её дыхание. Как подстраивался под каждый её вздох, под каждый микроспазм мышц. Дать ей то, чего она просит, — не механически, а чувствуя. Это редкость. И это самое опасное.

Видеть, как она ломается от удовольствия, как мышцы сводит спазмом, как она забывает о приличиях, о высоте, о Москве впереди. Это дико опасное чувство. Когда ты понимаешь, что контролируешь не ситуацию, а чужую нервную систему. И тебе это нравится настолько, что ты готов забыть про все свои «надо» и «нельзя».

Стук в дверь. Голос бортипроводницы. Я не остановился. Прижал её к себе, заглушил звук своим корпусом. Внутри всё горело. Паническая атака, да. Только не у неё. У меня. Когда она подняла лицо и посмотрела мне в глаза... зрачки чёрные, влажные, без единой тени расчёта. Я сказал: «Смотри на меня». Не из доминирования. Из внезапного, иррационального страха, что она улетит в этот момент куда-то, куда я не дотянусь. Мне нужно было, чтобы она знала. Чьи это руки. Чьё дыхание. Кто это сделал. Когда волна накрыла её целиком, я почувствовал, как внутри меня что-то щёлкнуло.

Впервые за много лет я почувствовал не удовлетворение, а странную, тихую ответственность. Вытирал её бумажными полотенцами. Аккуратно. Без суеты. Как что-то очень дорогое, что нужно беречь.

Теперь сижу. Листаю журнал. Поправляю манжету. Делаю вид, что ничего не было. А левая кисть до сих пор гудит. От того, что сжимал край раковины? От того, что держал её, пока она тряслась от оргазма? От того, что пытался не сорваться самому, хотя всё тело требовало? Взрослый мужик, а веду себя как подросток, который только что выкурил первую сигарету за гаражами и теперь пытается сделать серьёзное лицо, пока лёгкие ещё полны дыма. Смешно.

Журнал. Страница про инвестиции в стартапы. Я усмехаюсь про себя. Какие, к чёрту, стартапы. У меня сейчас в голове только одно: как она выгибалась навстречу. Как шептала «ещё». И как её волосы щекотали мне запястье, когда я стягивал резинку с её головы. Ладонь невольно сжимается на глянцевого бумажке, оставляя влажный след. Воздух в салоне прохладный. На часах — пятьдесят минут до посадки. Я закрываю журнал. Кладу его на подлокотник. Выпрямляю спину. Лицо спокойное. Руки лежат ровно. Но внутри — тихий, ровный гул. Как двигатели. Который никуда не денется. Я знаю, что усложнил. Но не знаю, что теперь с этим делать. И самое смешное — я не жалею. Жалею только, что не могу просто протянуть руку и проверить, не замёрзла ли она. Что должен сидеть, как ни в чём не бывало, и делать вид, что между нами не было той самой искры, которая выжигает всё дотла.

Чай ей принесли — ромашка. Пьёт, смотрит в иллюминатор, но я чувствую, как воздух между нами изменил плотность. Не смотрит на меня. Но я её чувствую. Каждым нервом. Жалеет? Стыдно? Стесняется? Я предупредил её про партнёров. Дал сухой, практический совет. Потому что так привык. Но внутри уже считаю варианты. Она не интрижка. Она — детонатор. И я, вместо того чтобы надеть каску и бронежилет, сижу и жду, когда рванёт снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.